

УДК 94:342.56(571.122)“1930/1941”
ББК Х71–1(2Рос.–6Хан)6

А.А. КАБУРКИН

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДЕПОРТИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ РЕГИОНА

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Уральская область, Обь-Иртышская область, Омская область, Остяко-Вогульский национальный округ, Ханты-Мансийский национальный округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Югра, депортация, коренное население, ханты, манси, спецпереселенцы, политические репрессии, суд, органы советской власти.

В статье отражены этапы становления, формирования и эволюции административно-территориального устройства Остяко-Вогульского, в последующем Ханты-Мансийского, национального округа в 1930-х – начале 1941 г., представлены сведения о депортации населения в этот округ в первое десятилетие его существования, рассмотрено влияние наличия депортированного населения накануне Великой Отечественной войны на политическую обстановку в округе, а также на его экономическое состояние и народное хозяйство, просвещение и культуру. Отмечена актуальность заявленной темы. Показана значимость влияния вклада депортированного населения в народное хозяйство в округе в начале войны. Также приведены отдельные воспоминания депортированных лиц, проанализированы содержание и характер статей окружной газеты непосредственно перед началом войны и в её первые дни. Отмечено, что депортированное население внесло существенный вклад в победу в Великой Отечественной войне. Представлены условия труда и быта, повседневная жизнь депортированного населения.

В современных условиях особую важность приобретают межнациональные отношения, от которых зависит состояние мирового сообщества. В силу этого межнациональные отношения являются особо актуальными в современной исследовательской литературе и рассматриваются с разных позиций. Известно, что отношения между людьми различной национальной принадлежности затрагивают всех жителей страны.

При этом изучение истории российской провинции на примере Ханты-Мансийского автономного округа с начала его основания и вплоть до начала Великой Отечественной войны важно в том числе потому, что подобное исследование позволяет выявить общие проблемы внутренней жизни советского государства. Также на примере взаимоотношений коренных жителей региона и депортированного населения такое исследование дает возможность показать национальную политику и национально-государственное строительство в полиэтнической России.

Причем вопросы национальной политики и национально-государственного строительства в России всегда остаются дискуссионными и актуальными, а в реальности проявляются порой в очень острых формах, доходя в том числе до вооруженных конфликтов.

Обращение к проблеме формирования и развития Ханты-Мансийского автономного округа, одного из национально-территориальных образований Российской Федерации, дает возможность более глубокого изучения государственности нашей страны.

Значимость темы увеличивается за счет ее преломления на современность, когда анализ и оценка целесообразности особого типа федерации являются

важными аспектами исследовательской литературы о настоящем и будущем государственного устройства России. Тема статьи еще более актуализируется за счет такого ее аспекта, как ссыльные, переселенцы – вопрос, который в советский период рассматривать было практически невозможно не только по прагматическим и идеологическим соображениям, но и по причине засекреченности большей части архивных источников. В последнее время выявилось ясно и явно выраженное стремление российского общества к переосмыслению исторического опыта ушедшего столетия, уроков и итогов его этапных событий.

В этом отношении заслуживает внимания один из крупных регионов страны – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. В настоящее время данный субъект активно включился в общероссийское и мировое экономическое и политическое пространство, имея показатели по различным направлениям, значительно превышающие аналогичные в большей части субъектов многонациональной Российской Федерации.

10 декабря 2020 г. исполнилось девяносто лет со дня создания Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, название которого, его административное подчинение, а также территория на протяжении указанного периода существенно менялись. Кроме того, за тот исторический период, в течение которого округ существует как отдельная территориальная единица в составе страны, появилось немало работ, посвященных этому событию, а также изучению округа в различных аспектах. В данном контексте стоит обратить внимание на работу Л.В. Алексеевой «Ханты-Мансийский автономный округ в первое десятилетие (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.)», в которой повествуется о становлении и развитии округа с момента основания до начала Великой Отечественной войны [1].

Здесь можно отметить, что крупный вклад в изучение истории Сибири и Севера внес основоположник историографии Российского Севера в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ю.П. Прибыльский. Он является соавтором более 500 работ, посвященных различным проблемам Сибири и Севера, а в соавторстве с Н.И. Загороднюк им изучен Ханты-Мансийский автономный округ в период Великой Отечественной войны [16]. Также следует назвать работу Б.У. Саразетдинова «Югра в годы войны. 1941–1945», в которой автор рассматривает вопросы хозяйственной жизни в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре с 1930-х гг. до 1945 г. [17].

Следует отметить, что в изучаемый период и последующие годы федерация советского типа включала различные по объему прав национальные автономии и административно-территориальные единицы. В этом ряду необходимо отметить монографию Е.К. Минеевой, посвященную формированию и развитию Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий [12]. В исследовании Е.К. Минеевой рассматриваются теория национально-государственного строительства Советской России в 1920–1930-х гг. и ее реализация на практике. Акцентируется внимание на особенностях становления названных автономных республик, выявляются сложности в процессе определения административных границ, социально-экономического и культурного развития автономий.

Ценные сведения о жизни депортированного населения Ханты-Мансийского автономного округа собрали Е.М. Брагина, Ю.В. Лазарева, Л.В. Набокова, что отражено в сборнике документов «Политические репрессии 1930–1940-х гг. в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа» [15].

В настоящей работе сделана попытка на основе ранее не вводившихся в научный оборот архивных материалов Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в первую очередь фонда № 180, проанализировать условия жизни, взаимоотношения коренных жителей, оценить вклад ссыльных переселенцев в развитие региона. Исследование осуществлено на основе вновь вводимых в научный оборот архивных источников и анализа документов и материалов центральной и местной власти. Одним из важных методологических принципов в предлагаемом исследовании является сравнительный анализ исторических событий.

Краткий экскурс в историю становления, а также в процессы эволюции и развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры дает сведения о том, что до начала Великой Отечественной войны округ как самостоятельная административно-территориальная единица в составе РСФСР просуществовал всего десять лет, при этом свое название, которое указывает на основное коренное население, округ получил менее чем за один год до начала трагических событий, обозначаемых в истории как Великая Отечественная война.

Так, в соответствии с Постановлением Президиума ВЦИК «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» от 10 декабря 1930 г. Уральская область включает в себя как отдельное национальное административное объединение Остяко-Вогульский национальный округ с центром в селе Самарово [18. С. 1436; 3. С. 24–25]. Ранее до этого названные территории входили в Уральскую область и Западно-Сибирский край. Население огромной территории (523,1 тыс. кв. км), как свидетельствует статистика, составляло тогда 77 000 чел. [18. С. 1436; 3. С. 25].

В июне 1931 г. в селе Самарово официально начали работать органы советской власти, приступило к работе организационное бюро Остяко-Вогульского окружного исполкома [15. С. 343]. Одновременно в урочище Большой Черемушник, которое находилось в 5 км от села Самарово, началось строительство нового поселка – Остяко-Вогульска, будущей столицы округа (в 1940 г. переименованного в Ханты-Мансийск в связи с изменением названия округа на одноименный) [18. С. 1436; 3. С. 25; 9. С. 22; 10. С. 343].

Будущий центр Остяко-Вогульского национального округа (ныне Ханты-Мансийского автономного округа) Остяко-Вогульск (ныне – Ханты-Мансийск) был основан в 1930 г. в качестве рабочего поселка. Данный населенный пункт в 1950 г. объединился с селом Самарово, известным в источниках еще с XVI в. Строили же город жители близлежащих поселков и спецпереселенцы [18. С. 1436; 3. С. 25].

В течение 1931–1932 гг. на территории Остяко-Вогульского национального округа шло формирование советских государственных органов судебной, представительной и исполнительной власти, а также системы управления и самоуправления [7. С. 71].

7 января 1932 г. Президиум ВЦИК упразднил Тобольский округ, а также определил территории, границы и административное деление новых округов [7. С. 70; 9. С. 23], так как на момент создания Остяко-Вогульского национального округа границы районов национальных округов не были точно обозначены или были определены приблизительно [9. С. 22].

В 1932 г. в период с 25 февраля по 3 марта в Остяко-Вогульске в Доме туземца состоялся I Окружной съезд советов, который сформировал Окружной исполнительный комитет. С этого времени можно отметить, что работа по организации национального округа завершилась [4. С. 31].

Однако административно-территориальное формирование округа продолжалось. Так, 17 января 1934 г. в связи с разукрупнением Уральской области создана Обь-Иртышская область с центром в г. Тюмень [9. С. 24]. Согласно постановлению ВЦИК Остяко-Вогульский национальный округ вошел в эту вновь созданную Обь-Иртышскую область [1. С. 34; 4. С. 37], которая, однако, просуществовала недолго. В составе Обь-Иртышской области округ находился до 1 января 1935 г., а затем вошел в состав Омской области [1. С. 34; 9. С. 24; 10. С. 344].

23 октября 1940 г. согласно указу Президиума Верховного Совета РСФСР Остяко-Вогульский национальный округ и поселок Остяко-Вогульск переименованы в Ханты-Мансийский национальный округ и рабочий поселок Ханты-Мансийск [3. С. 71; 19. С. 306].

И в довершение описания формирования и трансформации административно-территориального устройства вышеуказанной территории можно подчеркнуть, что 14 августа 1944 г. указом Президиума Верховного Совета СССР образована Тюменская область, Ханты-Мансийский национальный округ включен в состав Тюменской области [3. С. 87; 8. С. 24; 13. С. 279; 14. С. 198]. Такова история формирования Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) национального округа, ныне Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Обращаясь же вновь к населению Остяко-Вогульского национального округа, необходимо подчеркнуть, что территория округа была очень слабо освоена и заселена. В момент организации округа на его территории находилось 754 населенных пункта, в которых насчитывалось 9 617 хозяйств, проживало 41 489 человек, из которых хантов было 11 743 (28,3%), манси – 5 245 (12,6%), ненцев – 1 331 (3,2%), коми – 2 728 (6,6%). Русских и других национальностей насчитывалось 20 442 человека (49,3%) [8. С. 23].

Численность населения округа постоянно росла в основном за счет приезжих лиц некоренных национальностей. В 1939 г. население округа составило 92,5 тыс., свыше 12 тыс. из них были ханты, 5,8 тыс. – манси [14. С. 344], т.е. менее чем за одно десятилетие доля коренного населения на территории Остяко-Вогульского национального округа в общей его численности существенно понизилась. Произошло это за счет депортированного и ссыльного населения. Поэтому к началу Великой Отечественной войны Ханты-Мансийский национальный округ был известен (что и справедливо) как край социально-политической ссылки [17. С. 143].

Большую часть приезжего населения представляли спецпереселенцы. В начале 1930-х гг., когда в СССР все еще, как показывает история, продолжался процесс раскулачивания и коллективизации, в северные и восточные районы страны высылали неугодные партии элементы. Эта категория населения, являвшаяся спецпереселенцами, и составляла основную часть естественного прироста населения в округе.

Л.В. Алексеева, детально исследовавшая историю, в том числе процессы депортации населения на территорию округа в первое десятилетие его существования, отмечает, что обобщенных и точных данных о размерах и возрастной структуре крестьянской ссылки не знают даже архивы ОГПУ. Однако документы уральских перевалочных пунктов свидетельствуют о том, что в 1930 г. (первом году крестьянской ссылки) доля детей составляла почти половину всех ссыльных [1. С. 92]. В справке особого отдела ОГПУ «О количестве вселенных кулаков 2-й категории и одиночек» от 10 декабря 1930 г. сообщается, что в Уральскую область ввезено 30 474 семьи, или 145 205 человек [1. С. 93].

Весну-лето-осень 1931 г. можно выделить как вторую стадию ссылки. В то же время в феврале 1931 г. была произведена поголовная перепись спецпереселенцев во всех районах ссылки огромной Уральской области. Перепись зафиксировала такие цифры о численном составе депортированного населения: всего семей – 31 851; всего спецпереселенцев – 134 421 человек; из них взрослых – 85 930, детей до 16 лет – 48 491. Названные спецпереселенцы размещены в 31 районе области (преимущественно в северных районах). Наибольшее число ссыльных было с Украины, Северного Кавказа, Крыма. Наряду с ними в составе переселенцев были и уральские крестьяне, а также крестьяне с юга Западной Сибири [1. С. 93].

Прибывшее население использовалось на работах в сельском хозяйстве, рыбной, лесной и местной промышленности наравне с коренным населением. Данное обстоятельство однозначно положительно сказалось на росте качества и объема сельскохозяйственного производства в округе, так как спецпереселенцы имели больше опыта в этом вопросе, многим лучше знали сельскохозяйственную технику, причем свои навыки передавали местному населению, которые последним успешно перенимались.

Надо отметить, что именно крепкие хозяева средней полосы России и Сибири, представители интеллигенции крупных городов сыграли весьма важную роль в становлении народного хозяйства, строительстве городов, росте грамотности населения Среднего Приобья [11. С. 24].

В то же время производительность и работоспособность переселенных лиц могли быть значительно выше и лучше, если бы условия их жизни и быта были бы легче, так как местными властями, не готовыми принять такое большое количество вновь прибывших, жизнь и повседневный быт спецпереселенцев были поставлены в крайне тяжелые условия. Спецпереселенцы не имели необходимого в первую очередь в суровых северных условиях жилья. Необжитые места для новых населенных пунктов, отсутствие очень необходимого в тяжелых северных условиях инструмента приводили к большой смертности среди спецпереселенцев в первые же годы, особенно зимой. При этом спецпереселенцам не разрешалось переезжать из одного поселка в другой. Им необходимо было отмечаться у коменданта. Спецпереселенцы были лишены гражданских прав [1. С. 96; 20. С. 45].

К примеру, тяжелейшие условия проживания спецпереселенцев в Остяко-Вогульском национальном округе довольно точно отражает строго секретная докладная записка, составленная по результатам обследования указанной категории населения комиссией ОГПУ по Уралу. В этой записке говорится о том, что произведенное комиссией ОГПУ по Уралу обследование жизни и быта спецпереселенцев по Сургутскому и Кондинскому районам установило чрезвычайно тяжелую, мрачную картину о положении спецпереселенцев: не будучи обеспеченными в достаточной мере продовольствием, не только семьи, но и работающие трудоспособные граждане вынуждены были голодать, питаться суррогатами. Люди в рваной обуви, почти босые, выходили на работу в суровый мороз, обмораживали ноги и попадали в больницы вместо того, чтобы работать. Тяжесть этого положения усугубляло варварское отношение к спецпереселенцам административного персонала хозяйственных органов. Власть запрещала спецпереселенцам собирать в лесу ягоды, грибы, шишки и т.д. В общем, делалось многое, что способствовало физическому уничтожению спецпереселенцев [20. С. 47].

Питание ссыльных не было налажено или было плохо налажено. К примеру, на заседании бюро Сургутского райкома ВКП(б) 27 июля 1931 г. отмечалось: «Снабжение переселенцев по линии кооперации продовольствием настолько неудовлетворительно и ненормально, что поставило спецпереселенцев в условия применения в пищу опилок, моха, древесного гнилья, рыбных костей, рыбной чешуи, трухи, перетертого сена» [20. С. 47].

Во многих местах спецпереселенцам запрещалось ловить рыбу, они были лишены медицинского обслуживания, их косили эпидемии тифа и других болезней. Несмотря на допущенную к ним властями несправедливость, спецпереселенцы трудились в народном хозяйстве, а в период Великой Отечественной войны вместе с другими защищали свою Родину [20. С. 47].

Кроме того, депортированное население серьезно страдало от произвола советской власти, в том числе связанного с репрессиями. Так, во время массовых сталинских репрессий конца 1930-х гг. ссыльнопереселенцы понесли наибольший урон. Документальная «Книга расстрелянных» свидетельствует, что в составе погибших в Остяко-Вогульском округе в 1937–1939 гг. свыше половины составляли ссыльные. Особенно много их было из поселка под многозначительным названием Перековка, построенного на окраине Остяко-Вогульска для спецпереселенцев их собственными силами [20. С. 51].

О том, что спецпереселенцы и их труд в 1930-е гг. в освоении Севера на территории нынешнего Ханты-Мансийского автономного округа – Югры имели существенное значение для народного хозяйства страны свидетельствуют такие факты, как, например, то, что к началу 1940 г. за спецпоселками числилось 5,6 тыс. га пашни, т.е. почти половина от общего количества земли по округу, полученной за счет освоения лесных площадей и мелиорации лугов. В системе Обьрыбтреста в округе работали 2 913 семей, или 13 442 спецпереселенца. Спецпереселенцы строили Самаровский рыбоконсервный комбинат, новые поселки, в том числе новый город Остяко-Вогульск [19. С. 50], ставший позже столицей округа.

Одним из важнейших последствий процесса переселения на Север многих тысяч крестьян явилось то, что было положено начало комплексному освоению края, его развитию и интеграции в союзную экономику, что стало возможным благодаря труду и численному превосходству вновь прибывших над местным населением [1. С. 104].

Начавшаяся Вторая мировая война внесла свои коррективы в характер репрессивной политики сталинского руководства. Присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии повлекло за собой очередную волну массовой депортации «неблагонадёжного» гражданского населения.

В Омскую область вывезли 12 717 так называемых «польских осадников». «Зимой 1939–1940 г. в магазине Ханты-Мансийского леспромхоза стали появляться иностранные вещи, их сдавали на продажу ссыльные поляки», – вспоминает Ю. Созонов. Далее он продолжает: «Город был наводнен поляками, они работали на предприятиях, в учреждениях, выполняли различную черновую работу, многие были портными, фотографами, часовщиками. При ресторане играл польский джаз, который позднее переехал в Дом народов Севера. Поляки создавали семьи, женились на русских девушках, многие оставили в Ханты-Мансийске свое потомство». Через год к полякам добавилось около двух тысяч высланных из Бессарабии торговцев и зажиточных крестьян. А в сентябре 1941 г. в Омскую область прибыло 83 516 немцев Поволжья. Прибывшие ссыльнопереселенцы были направлены сюда для работы в лесной и рыбной промышленности и размещены в спецпоселках. Теперь власть, досе-

ле не имевшая своего влияния на коренных жителей, обрела в лишенных прав ссыльных ту опору, встав на которую, можно было решать и политические, и экономические задачи режима власти И.В. Сталина [1. С. 104].

Наличие среди населения значительной части ссыльных, спецпереселенцев, большинство из которых были лишены своих прав незаконно, являлось одним из основных факторов недовольства людей в Остяко-Вогульском округе советской властью и проводимой ею политикой. Немаловажным фактором антисоветских настроений в округе был как раз тот факт, что в 1930–1940-е гг. Остяко-Вогульский национальный округ являлся местом ссылки многих тысяч граждан (в том числе поляков и немцев, а в годы Великой Отечественной войны и калмыков), ставших жертвами политического произвола тоталитарного государства [15. С. 6–9]. Антисоветское настроение у большей части депортированного населения также сказывалось на сознании коренного населения.

О недовольстве местного населения действиями советских, в том числе судебных органов, имеются множественные сведения. В эти годы на территории округа прошла волна «раскулачивания», лишения гражданских, политических прав. Необоснованные обвинения и последовавшие за ними суровые меры (высылка с прежнего места жительства, полная или частичная конфискация имущества, увольнение с работы, исключение детей из школы и т.д.) вызывали недовольство, которое граждане высказывали в своих воспоминаниях, письмах, заявлениях в различные инстанции [15. С. 6]. Однако следует отметить, что судебные органы округа в конце его десятилетнего существования стали более объективны и независимы непосредственно от политики правящей власти. Об этом, в первую очередь, свидетельствует статистика. Так, сравнение деятельности Остяко-Вогульского окружного суда за 1938–1939 гг. показывает, что в 1938 г. оправданных было всего 4, а в 1939 г. – 20 человек, а анализ отмененных Верховным судом РСФСР и прекращенных дел самим Окружным судом показывает, что в 1938 г. неосновательно было осуждено 20 человек из 39, а в 1939 г. – 4 из 26 [6. С. 1]. Окружной суд в своих отчетах при этом отмечает, что качество работы суда улучшилось, были вскрыты случаи брака в работе следственных органов [6. С. 1]. Подобная тенденция, как и тенденция пресечения произвола партийных органов путем вынесения справедливых и законных решений судом, характерна для всего периода развития судебной системы на территории округа, о чем свидетельствует анализ конъюнктурных обзоров Окружного суда, статистических данных по уголовным делам [5. С. 55, 66; 6. С. 14]. При этом судебные органы в соответствии с Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», Указами Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов предприятиями», от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», от 10 февраля 1941 г. «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия» решали такие важнейшие задачи, как борьба за охрану общественной социалистической собственности, выполнение государственных обязательств, дисциплину труда среди работников хозяйственного аппарата [10. С. 333].

Несмотря на тяжелейшие жизненные условия, в которые советская власть загнала ту часть населения Остяко-Вогульского национального округа, которая была туда насильно депортирована из разных частей страны, ссыльные и спецпереселенцы не предали свое Отечество в трудный для него час, наступивший с началом Великой Отечественной войны и вторжением фашистской Германии на территорию Советского Союза.

Спецпереселенцы также были среди тех, кто первыми отправился на фронт. Все население, которое не ушло непосредственно на передовую, работало для победы в тылу.

Важно отметить, что с началом войны поддержка фронта не сводилась только к производительному труду. Имели место многочисленные факты отправок посылок с теплой одеждой и обувью для бойцов, подписки на военный заем, сбор денег на строительство танков и самолетов. Одновременно в тылу шла подготовка молодых бойцов, устраивались лыжные пробеги, походы, другие военизированные соревнования, население обучалось мерам защиты и первой медицинской помощи [2. С. 29]. Во всех этих процессах, конечно же, принимали участие депортированное население, спецпереселенцы.

С первых месяцев войны все людские, природные и производственные ресурсы округа начали работать на оборону [7. С. 133; 20. С. 88]. Для сведения следует отметить, что к началу 1940 г. на территории Остяко-Вогульского национального округа проживало около 95 тыс. человек, из которых городское население составляло 8 тыс., или 8,4%, сельское население – 87 тыс., или 91,6% [14. С. 198; 16. С. 47].

С началом Великой Отечественной войны в населенных пунктах Ханты-Мансийского национального округа стали появляться не только спецпереселенцы, но и большей частью эвакуированные, беженцы. Вот как, например, жители округа характеризуют процесс переселения на Север в своих воспоминаниях: «...В нашем поселке и в других было много сосланных, а в военные годы на баржах по реке, зимой на обозах прибывали эвакуированные... Не было ни одной семьи, которая бы не приютила беженцев...», – вспоминает ветеран труда А.И. Выучейская [4. С. 24].

Кроме того, в округ направляли пленных немецких солдат, которые работали на строительстве домов, на рубке леса, на лесосплавах. Например, ветеран трудового фронта Т.М. Панюкова вспоминает: «...На лесосплаве (переработке леса) работали пленные немцы, которые жили в другом конце города, и каждый день они в колонне в сопровождении охраны проходили по улице. Они были полураздетые, на ногах намотаны какие-то тряпки. Жалко было на них смотреть, особой злобы не было, но и еду им не выносили, потому что часто нечего было кушать самим» [4. С. 132].

Отмечая в очередной раз огромное значение спецпереселенцев, ссыльных для развития народного хозяйства, культуры в Остяко-Вогульском национальном округе (ныне ХМАО) в довоенное время, необходимо еще раз обозначить их существенный вклад в достижение победы в Великой Отечественной войне посредством как личного участия в боевых действиях, так и самоотверженного труда в тылу.

Литература

1. Алексеева Л.В. Ханты-Мансийский автономный округ в первое десятилетие (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.). Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. 194 с.

2. Белобородов В.К., Пуртова Т.В. Обь-Иртышский Север в западносибирской и уральской периодике. 1857–1944 гг. Библиограф. указ. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 400 с.
3. «В прошедших днях такая точность...»: Югорские хроники (1096–2000) / сост.: Э.П. Сургутскова. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2001. 472 с.
4. Гаврилова О.Н. Детство, опаленное войной. Ханты-Мансийск: Принт-класс, 2012. 252 с.
5. Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1.
6. Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Ф. 180. Оп. 1. Д. 10.
7. Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Выпуск XIII / ред. кол.: Я.Г. Солодкин, Ю.Г. Бочкова, И.С. Кабанова; сост.: Ю.Г. Бочкова. Нижневартовск: Нижневартовский гос. Ун-т, 2015. 408 с.
8. История населенных пунктов Югры: краткий научно-популярный справочник / сост.: Е.А. Зайцева, В.П. Ключева, С.Н. Щербич. М.: Перо, 2012. 176 с.
9. История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века. Хрестоматия / сост.: Н.Н. Баранов, В.К. Белобородов, С.В. Горшков. Екатеринбург: Волот, 1999. 304 с.
10. Кожевников М.В. История Советского суда. 1917–1956 годы. М.: Госюриздат, 1957. 384 с.
11. Куриков В.М. Ханты-Мансийский автономный округ: с верой и надеждой – в третье тысячелетие. Екатеринбург: Зевс, 2000. 192 с.
12. Минеева Е.К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920–1930-е годы). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. 594 с.
13. Наш край. Хрестоматия по истории Тюменской области (1917–1970 гг.) / ред. кол.: Д.И. Копылов, П.И. Рощевский, М.М. Никифорова и др. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973. 416 с.
14. Очерки истории Тюменской области / отв. ред. В.М. Кружинов. Тюмень: Тюмень, 1994. 272 с.
15. Политические репрессии 1930–1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа. Сборник документов / сост.: Е.М. Брагина, Ю.В. Лазарева, Л.В. Набокова. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2002. Вып. 1. 262 с.
16. Прибыльский Ю.П., Загороднюк Н.И. Война и Север: Российский Север в 1941–1945 гг. Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2005. 272 с.
17. Серазетдинов Б.У. Югра в годы войны. 1941–1945. Екатеринбург: ПАКРУС, 2005. 224 с.
18. Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1982. 1500 с.
19. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.). Сборник документов / ред. кол.: Д.И. Копылов, Ю.М. Конев, В.П. Петрова, сост.: Н.Д. Радченко, М.А. Смирнова; Управление по делам архивов Администрации Тюменской области, Государственный архив Тюменской области, Тюменский областной центр документации новейшей истории. Тюмень, 1994. 320 с.
20. Югра: Ханты-Мансийский автономный округ. 75 ступеней вверх / ред.-сост. Ю.А. Дорохов. Екатеринбург: Пакрус, 2005. 336 с.

КАБУРКИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ – аспирант исторического факультета, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (kaa21.777@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4597-7996>).

Aleksandr A. KABURKIN

**KHANTY-MANSI AUTONOMOUS DISTRICT
ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE ROLE AND SIGNIFICANCE
OF THE DEPORTED POPULATION IN THE DEVELOPMENT OF THE REGION**

Key words: *the Great Patriotic War, the Ural region, Ob-Irtysh region, Omsk region, Ostyak-Vogul National district, Khanty-Mansi national district, Khanty-Mansi autonomous district, Ugra, deportation, indigenous population, the Khanty, the Mansi, special settlers, political repression, court, Soviet authorities.*

The article reflects the stages of evolvement, formation and evolution of the administrative-territorial structure of Ostyak-Vogul, later Khanty-Mansi, national district in the 1930s – early 1941, it provides information about the deportation of the population to this district in the first decade of its existence, considers the impact of the deported population on the political situation in the district on the eve of the Great Patriotic War, as well as on its economic condition and national economy, education and culture. The relevance of the stated topic is noted. The article shows a significant influence of the deported population on the national economy in the district at the beginning of the war. There are also some memoirs of the deportees, the content and nature of the articles of the district newspaper immediately before the war and in its early days are analyzed. It is noted that the deported population made a significant contribution to the victory in the Great Patriotic War. The article presents the working and living conditions, the daily life of the deported population.

References

1. Alekseeva L.V. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyi okrug v pervoe dekyatiletie (dekabr' 1930 g. – iyun' 1941 g.)* [Khanty-Mansi Autonomous District in the first decade (December 1930 – June 1941)]. Khanty-Mansiysk, Polygrapher Publ., 2008, 194 p.
2. Beloborodov V.K., Purtova T.V. *Ob'Irtyskiy Sever v Zapadnosibirskoy i Ural'skoy periodike. 1857–1944 gg. Bibliograficheskiy ukazatel'* [Ob'Irtys North in the West Siberian and Ural periodicals. 1857–1944 Bibliogr. Decree]. Tyumen, 2000, 400 p.
3. Surgutskova E.P., comp. "V proshedshikh dnyakh takaya tochnost'..." *Ugorskie khroniki (1096–2000)* ["In past days such accuracy...": Ugorsky Chronicles (1096–2000)]. Tyumen, 2001, 472 p.
4. Gavrilova O.N. *Detstvo, opalennoe voynoy* [Childhood, disgraced by the war]. Khanty-Mansiysk, 2012, 252 p.
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Ugra. Fond 180. Opis' 1. Delo 1* [State Archive of the Khanty-Mansi Autonomous District – Ugra. Archives 180. Anagraph 1. Document 1].
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Ugra. Fond 180. Opis' 1. Delo 10* [State Archive of the Khanty-Mansi Autonomous District – Ugra. Archives 180. Anagraph 1. Document 10].
7. Solodkin Y.G., Bochkova Yu.G., Kabanova I.S., eds. *Zapadnaya Sibir': istoriya i sovremennost'. Kraevedcheskie zapiski. Vypusk XIII* [Western Siberia: history and modernity. Local history notes. Issue XIII]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk State University Publ., 2015, 408 p.
8. Zaitseva E.A., Klyueva V.P., Shcherbich S.N., comps. *Istoriya naseleennykh punktov Ugry. Kratkiy nauchno-populyarniy spravochnik* [The history of the settlements of Ugra. A short popular science handbook]. Moscow, Pen Publ., 2012, 176 p.
9. Baranov N.N., Beloborodov V.K., Gorshkov S.V., eds. *Istoriya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga s drevnosti do kontsa 20-go veka. Kxrestomatiya* [History of the Khanty-Mansi Autonomous District from antiquity until the end of the 20th century. Anthology]. Ekaterinburg, Volot Publ., 1999, 304 p.
10. Kozhevnikov M.V. *Istoriya Sovetskogo suda. 1917–1956 gody* [History of the Soviet court. 1917–1956]. Moscow, Gosurizdat Publ., 1957, 384 p.
11. Kurikov V.M. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyi okrug: s veroi i nadezhdoi v tre'te tysyacheletie* [Khanty-Mansi Autonomous Okrug: with faith and hope – in the third millennium]. Ekaterinburg, 2000, 192 p.
12. Mineeva E.K. *Stanovlenie Mariyskoi, Mordovskoi i Chuvashskoi ASSR kak nacionalno-territorialnykh avtonomiy (1920–1930 gody)* [Formation of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSR as national-territorial autonomies (1920–1930s)]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2009, 594 p.
13. Kopylov D.I., Roshchevsky P.I., Nikiforova M.M. et al., eds. *Nash kray. Khrestomatiya po istoriy Tyumen'skoy oblasti (1917–1970)* [Our land. Textbook on the history of the Tyumen' region (1917–1970)]. Sverdlovsk, 1973, 416 p.
14. Kruzhinov V.M., ed. *Ocherki istoriy Tyumen'skoy oblasti* [Essays on the history of the Tyumen' region]. Tyumen, Tyumen Publ., 1994, 272 p.
15. Bragina E.M., Lazareva Yu.V., Nabokov L.V., comp. *Politicheskie repressii 1930–1940-kh godov v vospominaniyakh i lichnykh dokumentakh zhitelei Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga. Sbornik dokumentov* [Political repression of 1930s – 1940s in memories and personal documents of residents of Khanty-Mansi Autonomous District. Collection of documents]. Khanty-Mansiysk, Polygrapher Publ., 2002, iss. 1, 262 p.
16. Pribylskiy Yu.P., Zagorodnyuk N.I. *Voina I Sever: Rossiyskiy Sever v 1941–1945 gg.* [War and North: Russian North in 1941–1945] Tobolsk, 2005, 272 p.
17. Serazetdinov B.U. *Ugrav gody voyny. 1941–1945* [Ugra during the war years. 1941–1945]. Ekaterinburg, PAKRUS Publ., 2005, 224 p.
18. *Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Soviet Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1982, 1500 p.
19. Kopylov D.I., Konev Yu.M., Petrov V.P., col. Radchenko N.D., Smirnova M.A., eds. *Sud'by narodov Ob'Irtyskogo Severa (iz istorii natsionalno-gosudarstvennogo stroitel'stva. 1822–1941 gg. Sbornik dokumentov* [The fates of the peoples of Ob'Irtys North (From the history of national-state construction. 1822–1941). The collection of documents]. Tyumen, 1994, 320 p.
20. Dorohov Yu.A., ed. *Ugra: Khanty-Mansiyskiy avtonomnyi okrug. 75 stupenei vverkh (redactor-sostavietl' Dorohov Yu.A.)* [Ugra: Khanty-Mansi Autonomous District. 75 steps up]. Ekaterinburg, Pacrus Publ., 2005, 336 p.

ALEKSANDR A. KABURKIN – Post-Graduate Student, Russian History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (kaa21.777@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4597-7996>).

Формат цитирования: Кабуркин А.А. Ханты-Мансийский автономный округ накануне Великой Отечественной войны: роль и значение депортированного населения в развитии региона // Вестник Чувашского университета. – 2021. – № 2. – С. 95–104. DOI: 10.47026/1810-1909-2021-2-95-104.